

**ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.
2015 год: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ЕВРАЗИИ
В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ / Отв. ред. тома А.С. Щавелев;
отв. ред. серии Е.А. Мельникова. М.: Русский фонд
содействия образованию и науке, 2017. 496 с., ил.**

Новый том серии “Древнейшие государства Восточной Европы”, выпускаемой Центром “Восточная Европа в античном и средневековом мире” Института всеобщей истории РАН, посвящен исследованиям многочисленных аспектов экономики раннего Средневековья разных регионов Евразии в VI–XI вв. Внутри серии том продолжает тематику издания 1994 г., в котором обсуждались проблемы нумизматики. Он состоит из Предисловия, 11 статей (разбитых на два блока: “Денежно-весовые системы и монетное обращение” — первые 4 статьи и “Формы и практики экономической активности” — последующие 7), а также 2 рецензий. Наша рецензия сфокусирована в первую очередь на нумизматической проблематике тома, а также на вопросах, связанных с типологией экономических ситуаций; во вторую очередь — на сопутствующих темах социальной истории.

В программном Предисловии А.С. Щавелева указывается, что замысел тома был определен желанием уйти от истории “образов и представлений” в сторону освещения конкретных проблем хозяйствования, производства и обменно-торговых практик Древности и Средневековья. Главной задачей составитель сборника видел обсуждение данных об экономических транзакциях и их социальном контексте, а также разработку аналитических моделей функционирования экономических систем, базирующихся на интерпретации нумизматических данных как отдельных монет, так и монетных агрегатов (кладов и др.). Выбор для изучения широкого географического пространства Евразии был обусловлен “мир-системной” перспективой, позволяющей всесторонне изучить выбранный хронологический отрезок, ставший переломным периодом этнополитической и цивилизационной истории региона. Обозначенные географические и хронологические рамки позволили почти всесторонне показать сосуществование разнообразных хозяйственно-культурных укладов раннего Средневековья, нанизанных на развитую глобальную сеть экономических коммуникаций. Ключевым в этом подходе является изучение “варварских” периферий, связанных устойчивыми торговыми путями с цивилизациями высокой монетарной экономики — Византией, Арабским Халифатом и Китаем.

Открывающая первый блок статей работа П.В. Шувалова “Короткая жизнь фоллиса: обращение крупных медных монет в ранней Византии”, посвящена решению сложного вопроса продолжительности циркуляции разных типов медных византийских монет. Анализ материала кладов, дополненный по сравнению с предыдущей статьей этого же автора (Шувалов, 1999) данными из двух недавно изданных каталогов кладов византийских монет, предваряется необходимыми отступлениями, связанными с типологизацией монетных комплексов и уточнением временного разрыва между датой “выпадения” монет из обращения и археологизацией клада. Вынесенная в заглавие работы тема не может быть решена исходя лишь из письменных источников, поскольку до нас не дошло никаких законодательных актов, регулирующих обращение фоллисов в Византии (более того, для многих из обсуждаемых монет не сохранилось даже названий), для чего автором предлагается новаторская методика выделения типичных по структуре кладов. Выстраиваемая автором модель циркуляции медных монет основывается на определении интенсивности присутствия в кладах тех или иных групп монет, что позволяет типологизировать клады с определением “эталонных” и выделением “условно идеальной структуры”, присущей каждому их типу. Методологически исключительно важным является разделение двух групп кладов — отражающих структуру обращения и выход монет из циркуляции. Предложенные автором модели убедительно объясняют сложные случаи одновременного обращения фоллисов разных типов, тем не менее, описав характеристики обращения фоллисов по периодам, автор указывает, что «не представляется возможным говорить о средней продолжительности “жизни” фоллисов» (с. 37). При этом совершенно справедливо отмечается, что продолжительность их обращения задавалась не столько конституциональными свойствами последних, сколько (декретным) соотношением их с остальной массой наличных монет. В свете сказанного выше остается непонятным, в связи с чем заостряется внимание на весах медных монет “при их отборе в клад”, ведь с учетом существенной переоценки фоллисов единственной мерой их оценки был государственный декрет (о чем пишет и сам автор),

поэтому лишь внешние дифференты, такие, как размер, рисунок, надписи и год выпуска, могли служить для отбора монет. С учетом высокой терпимости веса фоллисов, на что автор справедливо и неоднократно обращает внимание, решительно невозможно представить себе рутинное взвешивание в практических целях той огромной массы обращавшихся медных фоллисов, которая известна нам благодаря их археологизации.

Статья А.В. Комара “Денежный счет восточных славян в предгосударственный период” посвящена критике удревления представлений о раннем развитии товарно-денежных отношений в этнокультурном мире славян. Не решаясь, впрочем, дискутировать с фундированным лингвистическим обоснованием этой точки зрения Вяч.С. Кулешовым (2012. С. 166), автор на широком фоне анализируемых серебряных объектов, происходящих из разных кладов VII–VIII вв., вынужден констатировать известное отсутствие каких-либо стандартизированных серебряных предметов, могущих служить для эквивалентного обмена (надо заметить, что когда речь идет о поиске значения гривны как весовой единицы, странным выглядит привлечение данных о пробе серебряных вещей, ведь *мера веса* никак не связана с *качеством* или *пробой* взвешиваемого товара). Что же касается приводимого А.В. Комаром решения этой проблемы через привлечение связок шкурок (“гривен кун” и т.д.), изображения которых приведены на миниатюрах Радзивилловской летописи XV в., то оно верно содержательно, но не в той интерпретации, которую предлагает автор. Дело в том, что слово “гривна” обозначало либо жесткое металлическое украшение, либо определенный вес; ни в каких контекстах не фиксируется смещение семантики гривны в область “упаковки” или “нанизывания на нее” чего бы то ни было. В конструкциях “гривна кун”, “гривна драниц” и т.п. действительно необходимо видеть фиксированное число шкурок (что известно автору), но вовсе не фиксированное число шкурок, нанизанных на некий «обруч-“гривну”» (как это предлагается в статье), поскольку в выражении “гривна (какого-либо меха)” гривна выступает в роли счетной единицы, как использовались счетные единицы в выражениях “марка кун”, “алтын копеек” или “рубль денег”.

В работе Р.К. Ковалева “О роли русов и волжских булгар в импорте североиранских дирхемов в Европу во второй половине X — начале XI вв.” обсуждается поступление в монетные клады указанного времени индикативно значимых дирхемов Южного Прикаспия (Северный Иран). По наблюдениям автора статьи, монетная продукция Северного Ирана производилась (вернее, поступала в восточноевропейские клады) неравномерно: в 800–830-х годах североиранские дирхемы являются стандартным содержимым восточноевропейских монетных кладов, затем их присутствие становится весьма скромным, но позже,

начиная с первой половины X в., они чеканятся более регулярно. С 963/964 г. они начинают производиться на большом числе монетных дворов, в том числе и новооткрытых, и встречаются в кладах уже в существенных количествах: дирхемы североиранской чеканки содержатся по меньшей мере в 70% восточноевропейских кладов с трq 960–1010 гг. Выстроенная автором периодизация поступления североиранских дирхемов в разные регионы Восточной Европы надежно объясняется поворотными событиями в длительном противостоянии русов с хазарами, впрочем она требует двух небольших уточнений.

Касаясь обрисованных автором возможных причин возобновления монетной чеканки в Северном Иране, необходимо отметить, что местные дирхемы X–XI вв. исключительно ограниченно обращались на территории своего производства. Это явно следует из Таблицы 1, приведенной автором (с. 104): всего 3.27% или 42 монеты (!) от общего числа североиранских дирхемов были найдены на всей территории Ближнего Востока, Ирана и Омана (при том, возможно, ни одной, собственно, в Северном Иране, поскольку более точных данных о местах находок не приведено). В свете этого невозможно согласиться с автором в том, что “в южном бассейне Каспийского моря находилось множество североиранских дирхемов, но только немногие из них были экспортированы” (с. 113), судя по топографии монетных находок, ситуация была диаметрально противоположной. Такое уточнение сужает круг возможных целевых назначений производства дирхемов в Северном Иране, как и в соседнем государстве Саманидов, исключительно до целей насыщения торговых потоков посредством экспорта серебряной монеты, к каковому выводу в конце статьи приходит и автор (с. 133).

Крайне дискуссионным выглядит традиционное указание на возможность транзита дирхемов в 900-е годы через Закавказье (с. 96–98). Дело в том, что за пределами торговых путей и мусульманских территорий Закавказья, т.е. в христианских государствах, пограничных с Хазарией, зафиксировано ничтожное количество дирхемов (Акопян, 2015). Гораздо более правдоподобен их альтернативный путь, также указываемый автором, — из разных областей Халифата в Северный Иран, где происходила аккумуляция и смешение с местными дирхемами, а затем через Каспийское море и Хазарию. Такой же маршрут выстраивается благодаря справедливо сделанному наблюдению о примесном характере монет Ширваншахов в средневожских кладах 1010-х годов. Несомненно, путь ширванских монет также лежал через Северный Иран (с. 119), в то время как никаких непосредственных взаимодействий через Кавказский хребет не было, ведь в противном случае мы бы наблюдали клады ширванских серебряных монет к северу от него. Эти же соображения, вкуче с фактом отсутствия на средней Волге ширванских монет (что может свиде-

тельствовать о продолжавшемся и после 980-х годов контроле русов над дельтой Волги), заставляют отказать от предположения о пути дирхемов, идущем с Северного Ирана на среднюю Волгу по Каспию и низовьям Волги (с. 119) в пользу хорошо документированного сухопутного караванного маршрута, проходившего по Закаспию.

Публикация монографической по своему объему статьи М.О. Жуковского “Раннесредневековые наборы весовых гирек Восточной Европы”, несомненно, явилась важной вехой в исследованиях раннесредневековых комплектов так называемого торгового инвентаря (балансовых весов, гирек и иных находимых с ними предметов). Несомненным преимуществом работы является внимательный подход к исследованию не столько весовой и морфологической информации тех или иных гирек в отдельности, сколько данных, проистекающих из анализа состава и топографии комплектов, содержащих гирьки, разновесы, весы и пр.

В работе детально проанализирована метрология гирек разных морфологических групп (бочонковидных, иногда называемых автором бочковидными, и 14-гранных), установлена связь маркировки бочонковидных гирек и части свинцовых гирек с шагом их весовой шкалы (единица веса около 4 г) и убедительно доказана интерпретация 14-гранных гирек и другой части свинцовых гирек как монетных (“сортировочных”) экзегиев, использовавшихся для монет разных восточных династий. Установлены алгоритмы использования тех или иных весовых гирек. К статье приложены три подробных каталога гирек хорошей сохранности, происходящих с древнерусских памятников — бочонковидных (89 шт.), 14-гранных (32 шт.) и свинцовых (22 шт.).

С определенной долей осторожности приходится говорить о поддержанной автором идее описания экономики рассматриваемых обществ как о денежно-весовой (так называемой *Gewischsgeldwirtschaft* — модели, предложенной ранее для интерпретации скандинавского материала) и о “весовом приеме драгоценного металла” (с. 146, 215). Дело в том, что известное число находок наборов инструментов для взвешивания (10) и отдельных находок гирек (143) ничтожно по сравнению не только с объемом импортированного восточного серебра, но даже с числом сокровищ (выступавших в некотором смысле как “единицы учета” фрагментированного серебра), в которых оно аккумулировалось. В свою очередь, концентрация как наборов, так и отдельных гирек преимущественно в крупных поселениях того времени (Новгород — 2/11, Гнездово — 3/68, Бирка — 1/0, Старая Ладога — 0/19; через дробь указаны количество наборов и количество отдельных находок) указывает на исключительно узкий локус их использования. Несомненно, наборы для взвешивания *не были необходимы* для экономиче-

ских взаимоотношений на пространствах Восточной Европы, но лишь обслуживали некие, по всей видимости, совершенно определенные запросы, возникавшие в торговых центрах. Типологически схожая ситуация сложилась и в Скандинавии (с. 413). В этой связи, возможно, уточнить М.О. Жуковского: оборот фрагментов, действительно, был возможен посредством взвешивания (с. 182), но это *полностью справедливо* лишь для крупных поселений, поскольку совершенно очевидно, что при акте разламывания монеты образовывались обломки весом около 1 г, которые невозможно оценить имевшимися на тот момент гирьками. По своему к этому же, довольно очевидному, на мой взгляд, заключению, приходит и автор, констатирующий, что “большинство измерений были ориентированы на груз весом около 24 г и его половину” (с. 181). Таким образом, разумно предполагать разные паттерны экономического поведения в рассматриваемое время в Восточной Европе — взвешивание весового серебра в городах и селищах при совершении определенного круга действий против обращения ломаных монет при единичных транзакциях.

Второй блок статей начинается работой И.М. Никольского «‘*Dominus noster rex*’ — что означала надпись на вандальских монетах?», посвященной появлению этой легенды на вандальских монетах конца V в. Важность исследования именно вандальской нумизматики связана с ее хронологически наиболее ранним положением в ряду монетной чеканки варварскими государствами римской периферии. Принадлежность вандальской чеканки к римскому кругу обусловила ее традиционное рассмотрение в рамках девиаций общеримских тем, однако автор на фоне широкого круга привлекаемых письменных источников приходит к выводу, что появление фразы *Dominus noster rex* (“наш господин король”) на вандальских монетах не связано лишь с римским фоном. Как справедливо резюмирует И.М. Никольский, органически видоизменяя римскую императорскую титулатуру *Dominus noster*, фраза на монетах Вандальского государства Северной Африки отражала процесс формирования его новой идеологии, который складывался на сложной почве сочетания и переосмысления римской, античной и ветхозаветной традиций легитимизации государства.

В статье А.В. Григорьева “Об экономическом развитии славян междуречья Днепра и Дона с VIII — первой половине XI в.” очерчивается круг хозяйственного уклада славян на указанной территории вплоть до включения ее в состав древнерусского государства. Выделяется динамика экономического развития славянского населения, прослеживающаяся по такому индикативному маркеру, как размеры ям, использовавшихся для хранения зерна. Показано синхронное появление крупных “хлебных” ям (более семи четвертей зерна) вместе с детектируемым поступлением в регион монетного серебра в IX в. По мнению

автора, эти события связаны с развитием транзитной торговли зерном в регионе, что в будущем подготовило почву к широкому обороту внутри региона привозной серебряной монеты. Несмотря на то что экономические процессы в регионе продолжали иметь в целом натуральный сырьевой характер, импортируемые дирхемы довольно скоро стали подгоняться под существующие потребности, вначале обрезаясь в кружок, затем дополняясь низкопробными подражаниями обрезанным в круг дирхемам.

Статья А.С. Щавелева и А.А. Фетисова “К исторической географии Восточной Европы IX в. 2. Карта скандинавских комплексов и артефактов” является продолжением первой части работы этих же авторов, вышедшей в 2014 г. (Щавелев, Фетисов, 2014). Работа выполнена в рамках важного, как методологически, так и практически, подхода, базирующегося на узком датировании при картографировании, проведенной авторами на примере артефактов скандинавского круга строго IX в.

Методологически важными для теоретической нумизматики являются вводные замечания к работе, постулирующие среди прочего активное использование так называемых случайных находок, сигнализирующих о необходимости поиска их археологического контекста (в русле концепции В.Н. Седых (2008. С. 13–16)); интерпретацию *археологической пустоты* “как показателя полного отсутствия того или иного феномена”, но не как ничего не значащее молчание (с. 288, 289); неприемлемость приема ретроспекции данных из поздних периодов на более ранние (с. 318). Два последних принципа (естественно, при достижении *относительно равной полноты изучения* всей исследуемой территории) являются основополагающими для любого процесса хронологического картографирования.

Базируясь на уже все более общепринятом отказе от хронологии древнерусского летописания (ранних датировок “Повести временных лет”) и убирая из рассмотрения данные X–XI вв., авторы провели скрупулезное картографирование поселений скандинавов и находок скандинавских артефактов, что позволило воссоздать картину наиболее раннего проникновения выходцев с севера в Восточную Европу — периода, по меткому замечанию авторов, «когда “Руси X в.” еще не было и в проекте» (с. 280, 281). Строгое картографирование выделило гораздо более узкие по сравнению с традиционными построениями локусы пребывания скандинавов: стационарными пунктами их обитания оказываются лишь Ладога и Рюриково городище; Изборское, Витебское, Сарское и Супрутское городища, имеющие скандинавские артефакты IX в., характеризуются в это время лишь “следами пребывания” групп скандинавов. Добавим, что, возможно, имеет смысл отделять “верхне-днепровский кластер” скандинавских комплексов и артефактов, располагавший-

ся в *джазират ар-рус* — “междуречье руссов” арабских источников, от трех остальных городищ пограничной зоны с полиэтничным населением. Соглашаясь в целом с авторской концепцией, стоит отметить, что к интерпретации скандинавских находок из Бугско-Днепровского водораздела (северный склон Подольской возвышенности) надо подходить с определенной осторожностью — выстраиваемый по ним сухопутный путь “из хазар в немцы” (с. 309) существенно отличается от транспортной практики “река—море”, используемой скандинавами в IX в. в Восточной Европе.

Переломным этапом в процессе нарастания скандинавского присутствия в Восточной Европе стал период с последней четверти IX в. по первую четверть X в. (с. 311–314). К концу IX в., по мнению авторов, выделяются еще два пункта, в которых “можно предполагать появление скандинавов”, — Подол Киева и Шестовицкое городище. Авторы убедительно доказывают (на примере Верхнего Поднепровья) связь между локальной концентрацией скандинавских находок в IX в. и появлением на этой же территории поселения X в. (Гнёздово).

Использованный ими инструментарий в виде хронологически строгого разделения памятников разных веков вкупе с их картографированием приводят к значимым выводам. Во-первых, не доказуем постулат о проникновении скандинавов в IX в. на юг Восточной Европы. Во-вторых, несостоятельными оказываются идеи о появлении до конца IX в. каких-либо политий под руководством скандинавской элиты (“каганата Рюрика” или “прото-государства Олега”) в Восточной Европе (с. 314–316).

Работа В.Н. Седых и Я.В. Френкеля “Об одной категории находок из раскопок Тимеревского поселения (о времени функционирования археологического комплекса)” посвящена передатировке украшений из материалов раскопок указанного археологического комплекса. В ходе попредметного анализа как с привлечением комплекса данных из синхронных находок, так и опираясь на инструментальные методы исследования, оказалось возможным пересмотреть традиционную датировку наиболее раннего курганного погребения № 95 с IX в. и обосновать его нижнюю дату как вторую четверть X в., а верхнюю датировку всего комплекса продлить вплоть до XIV в. Методологически важным является подход к рассмотрению комплекса № 95 как единого целого, вынуждающий датировать его не по отдельным предметам, а путем интерполяции интервалов бытования хронологически значимых предметов кургана (в данном случае — каменных и стеклянных бус).

Статья Т.М. Калининой «Дани и поборы в Древней Руси по данным “Анонимной записки” арабско-персидских авторов» обращается к давно введенному в научный оборот источнику, однако приводит содержательно новую его интерпретацию. По спра-

ведливому замечанию автора, наблюдается существенное изменение в трактовках изначального текста “Анонимной записки” у разных средневековых авторов, включавших ее в свое повествование. Так, для наиболее раннего времени, отраженного в передаче “Анонимной записки” у Ибн Русте (восходит ко второй половине IX в.), должны быть разделены две описываемые им экономические модели — объезды славянскими владыками (*маликами*) подвластной территории за данью и спорадические нападения русов на славян, сопровождавшиеся захватом добычи, но не получением регулярных поборов. Сведения более позднего круга (Гардизи, Мерверруди, автор “Худуд ал-Алам”), которые нашли отражение в источниках начиная с XI в., фиксируют уже постоянные, регулярные нападения русов и захват ими дани у подвластного населения (система полудья). Анализ данных “Анонимной записки” позднего круга позволяет выделить высокопоставленную страту в среде русов (перс. *моравват* ‘рыцари’), которая, возможно, и занималась захватом славян, работоторговлей и торговлей мехами. Автор отмечает, что изменение характера получения добычи с нерегулярных поборов на постоянные подати отражает процесс «врастания» русов в славянский социум» (с. 386) и самый начальный этап сложения новой государственности.

Следующей работой в сборнике является масштабная по своему охвату статья Е.А. Мельниковой “Экономические системы в эпоху образования государства: Древняя Русь и скандинавские страны”. В ней прослежено изменение экономических систем в ходе переломного периода русской истории — перерастания разнообразных вожеств в раннее государство Русь. На широком фоне привлекаемых данных выстраивается картина перерождения исключительно военно-торговой экономической активности скандинавов (модель, использовавшаяся в Скандинавии и других районах Северной Европы) в деятельность по контролю над торговыми путями и местным населением в Восточной Европе. Специфика пребывания скандинавских отрядов в Восточной Европе, их немногочисленность и этническая обособленность от местного населения, а также дисперсность локусов их обитания уже к началу IX в. обусловили формирование новой экономической системы, основанной на изменении баланса в привычной им деятельности с военно-торговой на дальнюю торговлю с дополнением эксплуатации местного производящего хозяйства, что нашло отражение в оформлении системы податей и развитием фискальным аппаратом.

При анализе экономики периода “нарождающегося государства” на Руси, куда в значительных количествах поступало восточное монетное серебро, исключительно важным является наблюдение автора над постоянными колебаниями в отношении к монетарности экономического уклада у скандинавов, выражавшееся в лабильности переходов *серебряная*

монета → *серебряное изделие* → *части изделия* → *весовое серебро-деньги*. На таком широком фоне бытования форм серебра естественным выглядит и исключительно презентационный, а не строго монетарный характер первых монетных выпусков скандинавов как в Скандинавии, так и на Руси (с. 412. Прим. 75).

Происходившие изменения автором рассматриваются через призму неотделимости экономических отношений от социальных — констатируется расширение социальных страт, которые были вовлечены в военно-торговую деятельность в эпоху викингов: воинами-купцами становятся представители не только знати, а деятельность воинов-купцов обогащает “не только элиту, но и широкие слои свободного крестьянства” (с. 413). Смещение акцента в экономической модели с военно-ближнеторговой на дальнеторговую при снижении значения военной составляющей обусловило появление очагов будущей государственности именно в зоне пересечения трансконтинентальных торговых путей, в первую очередь — в местах “входа” в восточноевропейскую речную систему из Балтики (Поволховье) и в узловом междуречье Днепра, Волги, Двины и Ловати (что опять-таки отсылает нас к *джазирам ар-рус* или междуречью русов). Все это указывает на то, что, несмотря на многоукладность экономики Восточной Европы во второй половине IX–X в., сверхдоходы властной элиты, “необходимые и для осуществления ею властных функций, и для их институализации, т.е. формирования раннегосударственных структур, поступали не из производящего хозяйства, а благодаря торговой и военной деятельности” (с. 416).

Сборник завершает статья Р.П. Храпачевского “Китайские источники о социально-экономических отношениях с кочевниками в IX–XI вв.”, посвященная анализу концепций взаимоотношения Среднего государства с варварской периферией. Отражение этого мировоззренческого аспекта было детально разработано в виде реальных инструкций, сохранившихся в китайских источниках, что, надо отметить, представляет собой ситуацию, кардинально отличающуюся от того отсутствия “регулируемости” (или “закодированности”), которая существовала во взаимодействии расширяющегося в раннее Средневековье мусульманского мира с внешней средой. В работе описываются разные варианты взаимодействия Китая с кочевой периферией — военно-политические, культурно-цивилизационные и торгово-экономические. При этом для взаимоотношений киданьской (монгольской кочевой по происхождению) империи Ляо с кочевниками констатируется сочетание методов управления, характерных для кочевников с технологиями управления китайских государств. Осознанный выбор в пользу *контакта* с кочевниками и технологиями этого процесса сложились еще в эпоху Хань (270 г. до н.э. — 220 г. н.э.), что знаменовало собой отказа от одного из

распространенных конфуцианских подходов, заключавшегося в изоляционизме Срединного государства.

Автором выделяются и анализируются следующие техники взаимодействия китайских государств с кочевым миром: политика культурного поглощения (внедрение стандартов китайской жизни, в первую очередь — календаря; институт заложенничества; брак с китайской “принцессой”), военно-дипломатические мероприятия, в том числе использование племен друг против друга, постройка дальних форпостов в эпоху Ляо, создание пограничных войск из кочевников; а также торговая политика. Последняя стоит несколько особняком, поскольку торговый баланс между кочевниками и китайскими государствами был в пользу последних — кочевники были заинтересованы в ремесленных продуктах китайцев, имея возможность предложить в качестве равноценного обмена лишь совсем редкие для китайцев товары, например, “небесных коней” или особых соколов (что опять-таки является собой ситуацию, противоположную сложившейся в отношении товаров скандинавских воинов-купцов, в которых был заинтересован арабский и византийский миры). Возможно, имело смысл заострить внимание на различии паттернов экономического взаимодействия “оседлого” и “мобильного” мир-укладов, ведь, по всей видимости, противоположный характер торгового баланса с номадами сделал ненужным выпуск в Китае каких-либо международных, в первую очередь серебряных денег. Более того, во время Ляо существовал прямой запрет на экспорт кочевникам, знавшим только костяные наконечники, железа в любой форме, в том числе и монетной.

В конце сборника приведены две рецензии — Т.В. Гимона на книгу Р. Найсмита, посвященную монетному делу и монетному обращению в королевствах южной Англии в период с начала правления в Мерсии короля Оффы в 757 г. до воцарения в Уэссексе Этельреда I и начала масштабных завоеваний викингов в 865 г. (Naismith R. *Money and power in Anglo-Saxon England: the Southern English Kingdoms, 757–865*. Cambridge: Cambridge University press, 2012. 351 p.) и Н.Ф. Котляра на посмертное издание сборника статей известного нумизмата И.Г. Спасского (Русское золото. СПб.: Изд-во ГЭ, 2013. 386 с.).

В завершении хотелось бы отметить, что в рецензируемом сборнике нашло отражение важное для типологии нумизматических ситуаций описание двух диаметрально противоположных ситуаций, приводивших к археологически одинаковым результатам. Речь идет об образовании монетных кладов с широким интервалом годов выпуска монет в своем составе, за которыми закрепилось название “кладов длительного накопления” (формально говоря, это клады,

содержащие монеты нескольких ступеней денежного обращения). Как видится, образование кладов такого рода должно объясняться в зависимости от того, какого вида денежное обращение существовало в регионе их обнаружения. В случае *монетного обращения*, т.е. обращения монет внутри эмитирующей их системы, с сохранением той или иной степени переоценки монеты относительно стоимости заключенного в ней металла, при довлеющей доле монетных взаиморасчетов и высокой степени циркуляции монет, такие клады являются моментальным срезом обращения, а их появление сигнализирует о том, что на руках действительно одновременно находились все монеты, попавшие в клад. На такой вывод указывает исследование П.В. Шувалова, посвященное ситуации, сложившейся в обращении византийских фоллисов V–VII вв., отягощенном к тому же дополнительными условиями в виде полипараметрического отбора монеты (с. 28). В случае же более архаичных экономик, в которых бытовало *собственно денежное обращение* (т.е. обращение разных предметов с функцией денег) или *денежное обращение монет* (т.е. обращение монет как весовой формы драгоценного металла без учета монетной переоценки, поскольку монеты вышли за пределы эмитировавшей их системы), как показано в исследовании Е.А. Мельниковой на материале IX–X вв. из Скандинавии, клады такого рода действительно можно называть кладами длительного накопления, поскольку полученные монеты не находили массового применения и откладывались на длительный срок (с. 413).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акопян А.В. Денежное обращение в армянских государствах эпохи Багратидов (750–1064 гг.) // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2015 года: матер. докл. и сообщ. М., 2015. С. 56–60.
- Кулешов В.С. К предистории древнерусской платежной гривны // Материалы и исследования отдела нумизматики. СПб.: Изд-во ГЭ, 2012 (Тр. ГЭ; [Т.] 61). С. 151–174.
- Седых В.Н. Случайное как проявление закономерного // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: матер. научн. конф. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 13–16.
- Шувалов П.В. Монеты между археологией и нумизматикой // Археологические вести. № 6. 1999. С. 104–110.
- Щавелев А.С., Фетисов А.А. К исторической географии Восточной Европы IX — начала X века. Карта кладов и конфигурация торговых путей // Историческая география. Т. 2 / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М.: Аквилон, 2014. С. 7–53 + карта-вклейка.

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань

А.В. Акопян